

Готфрид Хаберлер

ПРОЦВЕТАНИЕ И ДЕПРЕССИЯ

ТЕОРЕТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ
циклических колебаний

Социум
Челябинск
2005

УДК 330.831.2+338.12.0

ББК 65.02+65.012.2

X12

Перевод с английского: *О. Г. Клесмент*

И. М. Осадчая

Р. Х. Хафизова

Печатается по изданию: Хаберлер Г. Процветание и депрессия: Теоретический анализ циклических колебаний. М.: Изд-во иностранной лит-ры, 1960.

Хаберлер Г.

X12 Процветание и депрессия: Теоретический анализ циклических колебаний /

Готфрид Хаберлер ; пер. с англ. О. Г. Клесмент, И. М. Осадчей, Р. Х. Хафизовой. – Челябинск: Социум, 2005. — xii + 402 с. (Сер.: Бум, крах и будущее. Вып. 4)

ISBN 5-901901-35-5

Готфрид Хаберлер (1900—1995) — один из крупнейших экономистов XX в., получивший известность прежде всего своими работами по теории экономических циклов и теории международной торговли. Исследование состояния теории циклов было заказано ему Лигой Наций в разгар Великой депрессии. Первое издание книги «Процветание и депрессия» появилось в 1937 г. Затем последовали второе (1939) и третье (1941) издания, в которых было отражено развитие теории циклов в связи с появлением знаменитого сочинения Дж. М. Кейнса (гл. 8, 12 и ч. 3).

Первая часть представляет собой исчерпывающий анализ всех существовавших на момент написания книги теорий экономического цикла. Во второй части автор сделал попытку дать собственное синтетическое объяснение циклической динамики экономического развития. Изначально разделяя воззрения австрийской школы на природу экономического цикла, Хаберлер частично воспринял кейнсианские рецепты выхода из депрессии. Критикуя некоторые аспекты кейнсианского подхода, Хаберлер представил логику Кейнса (абсолютно новую для того времени и довольно сумбурно изложенную самим автором) в терминах, понятных для студента-первокурсника.

Данное издание предваряется статьей Г. Хаберлера «Деньги и экономический цикл» (1932), считающейся лучшим кратким объяснением теории экономического цикла австрийской школы.

УДК 330.831.2+338.12.0

ББК 65.02+65.012.2

ISBN 5-901901-35-5

© Редподготовка, оформление,
ООО «Социум», 2005

Готфрид Хаберлер

ДЕНЬГИ И ЭКОНОМИЧЕСКИЙ ЦИКЛ¹

I

Говоря в этой лекции об экономическом цикле, я имею в виду не только и не столько те масштабные финансовые и экономические потрясения, с которыми мир столкнулся в последние несколько лет. Хотя, возможно, было бы интереснее поговорить об этих драматичных событиях: о спекуляциях, брокерских ссудах, биржевом крахе, массовых банкротствах, паниках, острых финансовых кризисах, как внешних, так и внутренних, об утечке золота и об экономических и политических последствиях всего этого. Однако я удержусь от соблазна и не стану драматизировать свое изложение. Вместо этого я попытаюсь добраться до более фундаментальных экономических колебаний, лежащих в основе тех ярких и бросающихся в глаза явлений, о которых я только что говорил.

Для полного понимания экономического цикла необходимо различать первичное, или фундаментальное, и вторичное, или случайное, колебания. Фундаментальным проявлением экономического цикла является волнообразное колебание экономической активности (если мне будет позволено в данный момент употребить это весьма расплывчатое выражение). Ход современной экономической жизни не представляет собой ровный и непрерывный рост; он прерывается не только внешними возмущающими факторами, такими, как войны и другие аналогичные катастрофы, но демонстрирует и внутренне присущую дискретность; периоды быстрого развития сменяются периодами стагнации.

Вначале внимание экономистов было сосредоточено на вторичных и случайных явлениях – ярких крахах и финансовых паниках. Экономисты пытались объяснить их, ссылаясь на отдельные катастрофы, заблуждения и ошибочные спекуляции руководителей тех банков и фирм, с которых все начиналось. Но регулярное повторение таких катастроф в XIX веке навело экономистов на мысль, что перед ними не разрозненные несчастные случаи, а симптомы серьезной болезни, поражающей все тело экономики.

Во второй половине XIX века наметилась отчетливая тенденция смягчения циклических потрясений. Наиболее бросающиеся в глаза события – крахи, банкротства, паники – стали менее многочисленными, а в некоторых циклах они вообще отсутствовали. Перед войной большинство экономистов считали, что эта тенденция будет продолжаться и драматичные крахи и паники, свидетелем которых был XIX век, навсегда остались в прошлом.

Однако нынешняя депрессия показывает, что мы рано радовались: мы еще не избавились от этого бича капиталистической системы.

¹ Впервые этот очерк был опубликован в кн.: «Gold and Monetary Stabilisation (Lectures on the Harris Foundation)». Quincy Wright, ed. Chicago: University of Chicago Press, 1932. Перевод сделан по: Austrian Theory of Trade Cycle. Compiled by Richard M. Ebeling. Ludwig von Mises Institute, 1996.

Но мы можем и должны извлечь из прошлого важный урок: если мы желаем глубже понять тот внутренний механизм капиталистической системы, который приводит к циклическим колебаниям, то нужно попытаться объяснить фундаментальное явление, отвлекаясь от случайных событий, которые могут как отсутствовать, так и присутствовать.

Если пренебречь вторичными явлениями, то экономический цикл представляет собой периодические подъемы и спады общей деловой активности, или, выражаясь точнее, объема производства. Вековой рост производства представляет собой не сплошной, непрерывный повышательный тренд, а волнообразное колебание вокруг среднего годового прироста. Не имеет большого значения, характеризуется фаза спада цикла абсолютным падением объема производства или всего лишь снижением темпов роста.

В этой лекции я не касаюсь изоциклических процедур, с помощью которых статистики отделяют циклические колебания от других периодических и беспорядочных колебаний, на которые они накладываются или которые накладываются на них. Я предполагаю, во-первых, существование экономического цикла, не тождественного сезонным колебаниям в течение года и беспорядочным нерегулярным возмущениям, вызываемым войнами, периодами спровоцированной правительством инфляции и т.п. Об этом следует сказать прямо, поскольку само существование рассматриваемого феномена ставилось под вопрос. Во-вторых, я предполагаю, что мы в состоянии выделить эти колебания статистически.

Наша главная задача – объяснить эти колебания и в особенности установить роль денег в самом широком смысле этого слова, включая кредитные и банковские деньги.

II

Едва ли существует хоть одно объяснение экономического цикла – я все-таки не решаюсь говорить «теория экономического цикла», поскольку у многих существует предубеждение против этого термина, – в котором денежный фактор не играл бы решающей роли. И так и должно быть: даже если отвлечься от вышеупомянутых сопутствующих явлений, самым ярким симптомом экономического цикла является рост цен в периоды процветания и падение цен в период депрессии; в то же время объем производства во время фазы подъема растет, а во время фазы падения снижается. Но не только товаров производится и продается больше, происходит увеличение числа сделок в других отраслях экономики, например на фондовой бирже. Поэтому мы имеем все основания говорить о росте объемов платежей во время фазы подъема цикла и о явном уменьшении этого объема во время депрессии.

Итак, для того, чтобы справиться с увеличением объема платежей, необходимо увеличение средств платежа – средств платежа в самом широком смысле слова. Это может произойти в результате увеличения:

- (а) золотых денег или узаконенного платежного средства;
- (b) банкнот;
- (с) банковских депозитов и банковских кредитов;
- (d) обращения чеков, векселей и других средств платежа, которые регулярно или иногда заменяют обычные деньги;
- (е) скорости обращения одного или всех средств платежа.

Я не утверждаю, что данный список является исчерпывающим и систематическим. Разные авторы используют разную терминологию. Одни предпочитают называть банковские депозиты, на которые могут выписываться чеки, деньгами, банковскими деньгами, кредитными деньгами. Другие ограничивают понятие денег узаконенными платежными средствами и тогда говорят о банковских депозитах как о средстве сэкономить деньги и сделать их более эффективными в осуществлении платежей путем увеличения скорости обращения. Третьи питают антипатию к термину «скорость обращения» и предпочитают говорить об изменениях потребности в деньгах и средствах платежа.

Не вдаваясь подробно в технические детали, я надеюсь, очевидно, что во время фазы подъема должно происходить увеличение средств платежа, а во время фазы падения – соответствующее сокращение.

Ни одна серьезная теория, ни одно объяснение цикла не может позволить себе не замечать, игнорировать или отрицать этот факт. Различия могут возникать только относительно:

(а) конкретного способа расширения – то ли это прежде всего увеличение количества кредитных денег, узаконенного платежного средства или золота, то ли всего лишь увеличение скорости обращения одного из перечисленных видов денег; и

(b) причинной последовательности.

Что касается причинных отношений, то, вообще говоря, открыты две возможности:

1) можно считать, что импульс исходит со стороны денег, что денежное обращение расширяется в результате преднамеренных действий банков или иных денежных властей и что отсюда берет начало вся цепочка событий, или

2) можно придерживаться мнения, что денежные власти играют пассивную роль; что инициатива исходит со стороны товаров, что изменение спроса на некоторые товары, сдвиги в структуре производства, изобретения и усовершенствования, большие урожаи или психологические силы, волны пессимизма и оптимизма – что одно из этих явлений и его последствия приводят к увеличению или снижению объема производства и что это в свою очередь вовлекает в обращение большее количество средств платежа. Большой поток товаров вызывает большой поток денег.

Первую группу теорий, утверждающих, что активная причина цикла лежит на стороне денег, можно назвать «денежными теориями» экономического цикла. В более широком смысле мы можем включить в группу денежных теорий также те, в которых признается, что импульс может исходить со стороны товаров, но утверждается, что надлежащая политика денежных властей, эффективное и эластичное регулирование объема платежных средств может предотвратить любое серьезное возмущение.

Как вы знаете, в качестве критерия для такой политики чаще всего рекомендуется «стабилизация уровня цен» в том или ином смысле этого весьма неопределенного термина. Все вы согласитесь, что за час невозможно всесторонне обсудить эту проблему. Поэтому я ограничусь указанием недостатков этой разновидности денежной теории и ее рекомендаций по лечению экономического цикла, концентрирующих свое внимание на изменениях в уровне цен. Затем я попытаюсь осветить более совершенные денежные теории цикла, разработанные за последние несколько лет, пока не столько известные в этой стране. Данные теории объясняют некоторые особенности

цикла (особенно последнего), плохо совместимые с более грубыми формами денежного подхода, отождествляющими влияние денег с изменением общего уровня цен.

III

Традиционная денежная теория, представленная такими широко известными авторами, как шведский экономист профессор Кассель и г-н Хоутри из английского казначейства, рассматривают фазы подъема и спада экономического цикла в качестве дубликата осуществляемой государством простой инфляции или дефляции. Разумеется, это как правило более мягкая форма инфляции или дефляции, но по сути то же самое. Г-н Хоутри утверждает это совершенно недвусмысленно в своей знаменитой формуле: «Торговый цикл – это чисто денежный феномен», и в принципе есть не что иное, как инфляция во время войны и дефляция, т.е. сокращение количества платежных средств, осознанно осуществленная некоторыми государствами с целью сблизить или восстановить послевоенный паритет своих валют.

Хоутри, разумеется, признает и подчеркивает различие в степени между двумя типами инфляции и дефляции, а именно то, что расширение и сокращение в ходе экономического цикла вызывается главным образом несоответствием учетной ставки, что не является причиной инфляции, осуществляемой государством. Сегодня уже почти все признают, что понижение учетной ставки банковской системой, особенно центральными банками, побуждает людей заимствовать больше, вследствие чего увеличивается количество платежных средств и растут цены. Рост учетной ставки приводит к противоположному результату: он ведет к понижению цен или, если они росли, останавливает повышение. Конечно, я знаю, что здесь нужны некоторые оговорки, но полагаю, что столь компетентной аудитории достаточно сказать, что буквально это верно только в том случае, если влияние изменения учетной ставки не компенсируется какой-либо другой силой, оказывающей влияние на готовность деловых людей осуществлять заимствования. Но при наличии всех этих обстоятельств, иными словами при прочих равных условиях, изменение учетной ставки повлияет на цены указанным образом. В любой данной ситуации существует одна ставка, при которой уровень цен будет оставаться постоянным. Если ставка принудительно устанавливается ниже равновесной, цены повышаются; если ставка устанавливается выше равновесной, цены понижаются.

Итак, согласно г-ну Хоутри, во время фазы подъема наша банковская система имеет тенденцию держать процентную ставку на слишком низком уровне; цены растут, мы получаем кредитную инфляцию и рано или поздно банки вынуждены принимать меры для защиты своих резервов – они повышают процентную ставку и вызывают кризис или депрессию.

Сейчас нет времени детально обсуждать остроумные построения, с помощью которых г-н Хоутри объясняет, почему банки всегда заходят слишком далеко, почему их, подобно маятнику, бросает из одной крайности в другую и они не останавливаются на равновесной ставке. Объяснение этого феномена, даваемое г-ном Хоутри, отличается от того, которое предлагают проф. Ирвинг Фишер и другие авторы, входящие в эту группу. Их объединяет мнение, что действие дестабилизирующих факторов проявляется через изменения в уровне цен. Именно через изменения уровня цен расширение и

сжатие кредита и денег оказывают влияние на экономическую систему, поэтому все они полагают, что стабильность уровня цен является достаточным критерием рациональной политики регулирования кредита. Если бы было возможно поддерживать стабильность уровня цен, то процветание никогда не сменялось бы депрессией. Если уровню цен позволяют расти и наступают неизбежные последствия, то можно остановить депрессию и восстановить равновесие, если удастся остановить падение цен.

Позвольте мне кратко показать, почему эти объяснения представляются мне недостаточными. Или другими словами, я попытаюсь показать, что (а) зачастую уровень цен в качестве путеводной звезды денежной политики заводит не туда и что его стабильность не является достаточной гарантией от кризисов и депрессий, потому что (b) кредитная экспансия оказывает более глубокое и фундаментальное воздействие на экономику в целом, особенно на структуру производства, чем простое изменение уровня цен.

Главный недостаток этих теорий заключается в том, что они не делают различия между падением цен в результате действительного уменьшения количества платежных средств и падением цен в результате снижения издержек, вызываемого изобретениями и совершенствованием технологии. (Однако я должен упомянуть, что данное критическое замечание не относится к г-ну Хоутри, который путем своеобразного толкования термина «уровень цен» признает это различие, хотя и не делает из него необходимых выводов.)

Действительно, если происходит абсолютное уменьшение количества денег, то спрос падает, цены снижаются и дело заканчивается серьезной депрессией. Нормальные условия вернутся только после того, как все цены будут снижены, включая цены на факторы производства, особенно это касается заработной платы. Этот процесс может быть долгим и болезненным, потому что одни цены, например заработная плата, являются жесткими, а значение других цен и суммы долговых обязательств зафиксированы на длительный промежуток времени и вообще не могут быть изменены.

Отсюда, однако, не следует, что это относится и к случаю, когда цены падают вследствие снижения издержек. В настоящее время общепризнанно, что период, предшествующий нынешней депрессии, характеризовался быстрым технологическим прогрессом, особенно в сфере добычи сырья и сельском хозяйстве, но также и в области промышленного производства.

В такой ситуации цены должны были бы постепенно снижаться, и очевидно, что такое их падение не могло иметь тех отрицательных последствий, которые сопровождают падение цен, вызванное уменьшением количества денег. Пожалуй, можно говорить об «относительной дефляции» количества денег – относительно потока товаров – в противоположность «абсолютной дефляции».

В частности, ошибка авторов, которые указывают на нехватку золота как причину нынешней депрессии, состоит в том, что не видят радикального различия между абсолютной и относительной дефляцией. Нехватка золота может привести только к относительной дефляции, которая не может вызвать таких катастрофических последствий, как переживаемая в настоящий момент депрессия. О возможной косвенной связи – я не рискую сказать «причине» – «незначительности» годового производства золота и остроты нынешней депрессии и глубины падения цен, я скажу немного позже.

Итак, как уже сказал, в период с 1924 по 1927 год и в 1928 году мы пережили беспрецедентный рост объемов производства. В то же время, как все знают, товарные цены, измеряемые индексом оптовых цен, оставались сказочно стабильны. Отсюда следует, и статистические исследования это

подтверждают, что объем платежных средств увеличился. Мы могли бы сказать, что это была «относительная инфляция», т.е. увеличение платежных средств, не приведшее к росту товарных цен, потому что компенсировало последствия параллельного увеличения объема производства.

Таким образом, естественно предположить, что все беды порождены как раз этой относительной инфляцией. Если это так, – а мне это представляется весьма правдоподобным, – то становится очевидным, что уровень цен в качестве ориентира денежной политики вводит в заблуждение и что функционирование экономической системы испытывает денежные влияния, не находящие соответствующего отражения в изменении уровня цен, по крайней мере когда его измерителем выступает индекс оптовых цен. И действительно, некоторые денежные изменения оказывают серьезное влияние на экономическую систему (которое может проявляться, а может и не проявляться в изменении уровня цен), что полностью проходит мимо внимания традиционных денежных объяснений, хотя внешние симптомы этого влияния распознаются (но интерпретируются иначе) некоторыми неденежными теориями и дескриптивными исследованиями делового цикла.

IV

Изменения, которые я имею в виду и которые сейчас попытаюсь проанализировать, — это изменения вертикальной структуры производства, как я буду это называть, вызываемые изменениями в предложении кредита для производственных целей. Когда нам приходится анализировать экономическую систему, мы можем рассмотреть ее горизонтальное и вертикальное сечение. На горизонтальном сечении перед нами предстанут различные отрасли и подотрасли промышленности, дифференцированные по производимым ими потребительским товарам: пищевая промышленность, включая сельское хозяйство, текстильная промышленность, индустрия развлечений и т.д. Отрасли, производящие товары производственного назначения, скажем черная металлургия, принадлежат к различным отраслям на этом горизонтальном сечении, потому что продукция черной металлургии используется в производстве многих или всех потребительских товаров. Старое утверждение, что общее перепроизводство немислимо, что мы никогда не будем иметь слишком много всех товаров, поскольку человеческие потребности безграничны, но что серьезные диспропорции могут возникнуть вследствие частичного перепроизводства, относится главным образом к горизонтальной структуре производства.

Диспропорциональность в этом смысле означает, что по той или иной причине, нарушена надлежащая пропорция в распределении факторов производства между различными отраслями, что, например, излишне развита автомобильная промышленность, т.е. в нее вложено неоправданно много капитала и труда по сравнению с относительным спросом на продукцию этой отрасли и продукцию других отраслей. Надеюсь, я понятно объяснил, что я понимаю под горизонтальной структурой и горизонтальными диспропорциями производства.

В то же время, проследивая стадии производства каждого товара, готового к потреблению, и отмечая, через сколько стадий должен пройти конкретный товар, прежде чем достигает конечного потребителя, мы изображаем вертикальное сечение экономической системы. Возьмите, к примеру, пару обуви и проследите ее «генеалогическое древо». Наш путь лежит из розничного

магазина, через оптовика, на обувную фабрику; пойдя по одной из тропинок, сходящихся в этой точке, скажем, по той, которая привела сюда швейную машину, используемую при производстве обуви, мы попадаем сначала на машиностроительный, затем на сталелитейный завод, и в конце концов на железный рудник. Если мы пойдём по другой тропинке, то она приведёт нас на ферму, где выращивают скот для получения кожи. Кроме того, между основными этапами производства существует много промежуточных стадий, а именно различные транспортные услуги. Прежде чем попасть к конечному потребителю, каждый товар должен пройти множество последовательных подготовительных этапов. Много времени требуется, чтобы провести каждое конкретное изделие сквозь весь процесс, от истока до устья, где оно впадает в бездонное море потребления и исчезает в нём. Но если весь процесс отлажен и каждая из последовательных стадий надлежащим образом оснащена постоянным и переменным капиталом, мы можем ожидать непрерывный поток потребительских товаров.

В оборотовании всех этих последовательных стадий производства воплощен весь запас капитала страны, накопленный на протяжении столетий. Количество накопленного капитала является мерой длины русла этого потока. В богатых странах русло очень длинное, и товары, прежде чем достичь потребителя, должны пройти через много стадий. В бедных странах этот поток гораздо короче и объем производства, соответственно, меньше. Если по ходу экономического развития накапливается и инвестируется капитал, то добавляются новые стадии производства, или, говоря экономическим языком, оно становится более окольным. Можно привести множество примеров, если сравнить сегодняшние методы производства с теми, которые применяли наши отцы, или если сравнить производственные процессы в богатой и бедной странах.

Но какое отношение это имеет к экономическому циклу? Когда я говорил о вертикальной структуре производства и влиянии на нее денежных сил, я имел в виду удлинение и укорачивание производственных процессов. Очевидно, что точно так же, как существуют определенные пропорции между различными горизонтальными отраслями производства, должно существовать определенное соотношение производственных ресурсов – труда и капитала, распределенных между более близкими и более отдаленными стадиями производства: для текущего производства потребительских товаров посредством существующего производственного аппарата и для расширения этого аппарата в целях увеличения производства потребительских товаров в будущем.

Если, к примеру, слишком много труда затрачивается на удлинение процесса и слишком мало на текущее потребление, то мы получим несогласованность вертикальной структуры производства. И можно показать, что определенные денежные воздействия, конкретно, кредитная экспансия со стороны банков, понижающих ставку процента ниже ставки, которая существовала бы, если бы на рынок капитала попадали только те суммы, которые являются сбережениями публики из своего текущего дохода, – так вот, можно показать, что такое искусственное понижение процентной ставки побудит деловых лидеров предпринять излишнее удлинение процесса производства, другими словами приведет к переинвестированию. Когда полное осуществление процесса производства занимает значительный период времени, то слишком поздно обнаруживается, что вновь начатые процессы излишне длинны. Как мы скоро увидим, неизбежно наступает реакция: ставка

процента опять поднимается до естественного уровня и даже выше. Новые инвестиции перестают быть прибыльными и становится невозможным завершить новые окольные методы производства. От них приходится отказываться, и ресурсы возвращаются к старым, более коротким методам производства. Процесс корректировки вертикальной структуры производства, неизбежно подразумевающий потерю большого количества постоянного капитала, который был инвестирован в эти более длинные процессы и который нельзя переместить, происходит в период депрессии и составляет его суть.

К сожалению, невозможно обсудить здесь все этапы этого процесса и сравнить их с соответствующими фазами экономического цикла, описанием и объяснением которого они являются. Я надеюсь дать вам ясное представление о том, что происходит в наших капиталистических обществах во время экономического цикла путем сравнения с соответствующими событиями в коммунистической экономике.

То, что русские сейчас делают (или пытаются делать) – пятилетние планы, есть не что иное, как отчаянные попытки увеличить окольность производства с целью увеличить в будущем производство потребительских товаров. Вместо производства потребительских товаров с помощью существующих примитивных методов они сокращают производство для целей немедленного потребления до минимально возможного уровня. Вместо производства обуви и домов они строят электростанции, металлургические заводы, стараются улучшить транспортную систему, словом, создают производственный аппарат, который превратится в потребительские товары только спустя значительный период времени.

Предположим, что выполнить этот амбициозный план оказывается невозможным. Допустим, что правительство приходит к заключению, что население не может выдержать огромного напряжения, или что революция угрожает его разрушить, или что путем голосования решено изменить политику. В любом случае, если они вынуждены отказаться от вновь начатых окольных способов производства и производить потребительские товары как можно скорее, они должны будут остановить возведение электростанций, металлургических и тракторных заводов и вместо этого поспешно производить простые орудия и инструменты, чтобы увеличить производство продовольствия, обуви и домов. Это означало бы огромную потерю капитала, воплотившегося в недостроенные заводы.

То, что в коммунистическом обществе делается в соответствии с решением верховного экономического совета, в нашем индивидуалистическом обществе порождается коллективными, но независимыми действиями отдельных людей и опосредуется механизмом цен. Если множество людей и корпораций решат осуществить сбережение, ограничат на некоторое время свое потребление, то спрос на потребительские товары и их производство упадет, производственные ресурсы переместятся в более отдаленные стадии производства и процесс производства удлинится.

Если мы полагаемся на добровольные сбережения, мы можем допустить, что каждый год будет сберегаться примерно одна и та же доля национального дохода, хотя не всегда одними и теми же индивидами. В таком случае мы имеем постоянный поток сбережений и приспособление производства происходит не в виде действительного перемещения инвестированных производственных ресурсов, а в виде устойчивого отклонения потока производственных ресурсов в другие каналы.